

Труды исторического факультета МГУ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА
МГУ**

[262]

СЕРИЯ II

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(181)

Редакционный совет:

*академик РАО, д.и.н., проф. Л.С. Белоусов (сопредседатель);
академик РАН, д.и.н., проф. С.П. Карпов (сопредседатель);
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Л.И. Бородин;
д.и.н., проф. А.Г. Голиков; д.и.н., проф. С.В. Девятков;
д.и.н., проф. О.Е. Казьмина; д.и.н. А.Р. Канторович;
д.и.н., гл.н.с. Л.В. Кошман; Н.В. Литвина; д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. С.В. Мироненко; к.э.н. С.В. Орлов;
академик РАН, д.и.н., проф. Е.И. Пивовар;
д.и.н. А.В. Подосинов; д.филол.н., проф. О.В. Раевская;
д.и.н. С.Ю. Сапрыкин; член-корреспондент РАН, д.иск., проф. В.В. Седов;
д.э.н., проф. В.В. Симонов; к.и.н., доц. О.В. Солопова;
к.и.н., доц. А.А. Талызина*

Москва

2024

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет
Кафедра истории южных и западных славян**

ИСТОРИКИ-СЛАВИСТЫ МГУ

Книга 17

ЮГОСЛАВЯН ВОЛШЕБНЫЕ ПОРТРЕТЫ

**К ЮБИЛЕЮ ДОЦЕНТА
ЛЮДМИЛЫ ВАСИЛЬЕВНЫ КУЗЬМИЧЕВОЙ**

Москва

2024

УДК [930(470)+94+008](=16)(082)

ББК 63.1я43+63.3(=41)я43

И90

*Печатается по решению Ученого совета
Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
от 20 марта 2024 г. (протокол №2)*

Ответственные редакторы:
доктор исторических наук, проф. *Г.Ф. Матвеев*;
кандидат исторических наук, доц. *Ю.А. Борисёнок*;
кандидат исторических наук, доц. *О.А. Дубовик*;
кандидат исторических наук *К.В. Мельчакова*

Рецензенты:
Кузьмичева Анастасия Евгеньевна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории южных и западных славян
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
Новосельцев Борис Сергеевич, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

И90 Историки-слависты МГУ: Книга 17: Югославян волшебные портреты. К юбилею доцента Людмилы Васильевны Кузьмичевой. Научный сборник / Отв. ред. Г.Ф. Матвеев, Ю.А. Борисёнок, О.А. Дубовик, К.В. Мельчакова. — (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 262, серия II: Исторические исследования, 181). — М. : Издатель Степаненко, 2024. — 404 с. ISBN 978–5–901882–88–7

Научный сборник посвящен юбилею доцента кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженного преподавателя МГУ Л.В. Кузьмичевой. Историки из университетов и научных институтов России и Сербии в своих статьях раскрывают влияние научного творчества Л.В. Кузьмичевой на развитие российской и европейской славистики, исследуют актуальные проблемы истории славян и Европы XVIII–XXI вв.

Для специалистов в области славистики, истории славяноведения и всех интересующихся историей славян.

© Исторический факультет МГУ, 2024

© Кафедра истории южных и западных славян
исторического факультета МГУ, 2024

© Авторы статей, 2024

© А.Ю. Степаненко, 2024

ISBN 978–5–901882–88–7

СОДЕРЖАНИЕ

I. Время и бремя университетского человека

Л.В. Кузьмичевой	7
<i>Матвеев Г.Ф.</i> Человек Университета	7
<i>Ненашева З.С.</i> Подношение коллеге в славный день юбилея: зарисовки или эссе о начале карьеры Людмилы Васильевны Кузьмичевой	14
<i>Дубовик О.А.</i> Театр одного актера: наш общий курс	23
<i>Литвинова А.Н.</i> «Только Мила»	26
<i>Волостнова Н.В.</i> Жизнь лучше, если рядом друг	28
<i>Бородин И.В., Бородина Д.В.</i> Людмила Васильевна и дары знания	32
<i>Сопов В.И.</i> Любить людей: Людмиле Васильевне Кузьмичевой – учителю, ученому, гуманисту	37
<i>Ислентьева А.П.</i> Есть в нашем мире такие люди... ..	42
<i>Новосельцева Л.К.</i> К юбилею Людмилы Васильевны Кузьмичевой	43
<i>Рајић С., Леовац Д.</i> Српска модерна историја у научним радовима Љ.В. Кузмичеве	53

II. Цветущая сложность славянского и европейского миров

в научных поисках коллег и учеников Л.В. Кузьмичевой	61
<i>Костяшов Ю.В.</i> Сербские привилегии в Австрийской монархии в XVIII веке	61
<i>Борисёнок Ю.А.</i> Прекрасен ли «долгий XIX век»?	73
<i>Белов М.В.</i> Два подступа к общевосточному восстанию: начало и конец русско-турецкой войны 1806–1812 гг.	84
<i>Мельчакова К.В.</i> «Поехали торговать нашу Боснию...». К вопросу о поездке генерал-губернатора Боснийского вилайета к австрийскому императору в 1869 г.	93
<i>Путятина И.С.</i> Пера Тодорович и эволюция последователей Светозара Марковича в Сербии от социализма к радикализму в 1875–1880 гг.	105
<i>Пилько Н.С.</i> Франья Тавчар и ее роль в словенском женском движении	120
<i>Кирилина Л.А.</i> Коммеморативные практики словенцев в конце XIX – начале XX вв. как инструмент формирования их национальной идентичности	131
<i>Фролова М.М.</i> Гвардия в сражениях под Горным Дубняком и Телишем 12 октября 1877 г.	142
<i>Ичийер А.</i> Янко Николаидис в сербско-османских отношениях	155
<i>Павленко О.В.</i> Противостояние России и Австро-Венгрии в балканской политике: 1887–1897 гг.	161

<i>Ващенко М.С.</i> Крунослав Геруц и его журналистская деятельность в России в 1889–1891 гг.	172
<i>Вшишняков Я.В.</i> Экономический фактор российской политики в Сербии конца XIX – начала XX вв.	180
<i>Богомолова Д.К.</i> Черногория в балканской политике России в начале XX в.	197
<i>Путятин В.С.</i> Начало таможенной войны между Австро-Венгрией и Сербией и Россия	210
<i>Стыкалин А.С.</i> Степан Чебан / Штефан Чобану (1883–1950) – от университетской карьеры в предреволюционной России до министерского поста в королевской Румынии	221
<i>Гусев Н.С.</i> Корреспондент «Русских ведомостей» А.А. Дикгоф-Деренталь в Сербии в 1912 г.	234
<i>Радивојевић М.</i> Посета Пашића и престолонаследника Александра Петрограду почетком 1914. године	246
<i>Парфирьев Д.С.</i> Русофильский адвокат украинских националистов: зигзаги биографии Мариана Глушкевича	259
<i>Хлебникова В.Б.</i> Уровень доверия и военной поддержки союзников в странах Антанты в годы Первой мировой войны (по материалам дневника русского военного агента в Черногории Н.М. Потапова)	269
<i>Матвеев Г.Ф.</i> Польское королевство эпохи Временного государственного совета (5 ноября 1916 – 30 августа 1917 г.)	279
<i>Романенко С.А.</i> Революционная Россия и монархия Габсбургов между февралем и октябрём 1917 г.	295
<i>Сератионова Е.П.</i> Штефан Осуский и создание Малой Антанты	304
<i>Лобачева Ю.В.</i> Женский вопрос в Королевстве сербов, хорватов и словенцев	312
<i>Ганин А.В.</i> «Ехать в Галиполи, чтобы меня ликвидировали без суда, я не могу...». Неизвестное письмо генерала Е.И. Достовалова	324
<i>Волокитина Т.В.</i> Болгарская диаспора в Южной Добрудже накануне подписания Крайовского мирного договора (сентябрь 1940 г.): феномен «двойной лояльности»	334
<i>Аникиев А.С.</i> Первые месяцы советско-югославского конфликта 1948 г. От московского совещания в феврале до 2-й Резолюции Информбюро в Бухаресте в июне 1948 г.	349
<i>Тимофеев А.Ю., Байин З.</i> Непростые дни: стажировка югославского ученого на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ в 1957–1958 гг.	363
<i>Никифоров К.В.</i> Сербская «перестройка» (1980–1987 гг.)	384
<i>Косик В.И.</i> Свидетельства времени из XX века	394
Сведения об авторах	401

*Алексей Юрьевич ТИМОФЕЕВ,
Зоран БАЙИН*

**НЕПРОСТЫЕ ДНИ:
СТАЖИРОВКА ЮГОСЛАВСКОГО УЧЕНОГО
НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ В 1957–1958 ГГ.**

Аннотация

Статья обращается к истокам советско-югославского академического сотрудничества в первые годы после нормализации отношений между двумя странами в 50-ые годы XX века. Обзор более ранних контактов и их довоенные корни зафиксировал в 1948 г. академик САНУ В. Новак.

Обмен учащимися исторического факультета между двумя странами начался в 1957 г. В бумагах Комиссии по международным связям Центрального комитета Союза коммунистов Югославии и Союзного комитета Социалистического союза трудового народа Югославии (КМВ ЦК СКЈ и СО ССРНЈ) сохранилось пространное письмо Б. Павичевича, одного из первых югославских ученых, стажировавшихся в СССР после «нормализации» отношений между СССР и Югославией, написанное председателю этой комиссии В. Влаховичу в 1958 г. Автора письма, которое, по сути, является отчетом, интересовали «неформальные настроения» и отношения к югославам в советских научных кругах. Этот отчет проливает новый свет на интеллектуальную атмосферу и общественные настроения, царившие среди историков МГУ в период ранней «оттепели». В тексте упоминаются сотрудники факультета, которые способствовали научному обмену: В.Г. Карасев (1922–1991), И.А. Федосов (1921–2001), С.А. Никитин (1901–1979).

Начавший осенью 1957 г. стажировку при кафедре истории южных и западных славян исторического факультета Московского университета Б. Павичевич получил совет посетить Ленинград и продолжил стажировку в Ленинградском университете. При этом его «прикрепили» к филологам, а не к историкам. Б. Павичевич отмечал, что в Москве атмосфера среди историков была более сдержанная и настороженная по отношению к Югославии, хотя и там новые партийные обвинения Югославии «в ревизионизме» не вызывали доверия среди ученых и особенно молодежи. Он зафиксировал и слухи о скандальном событии, потрясшем исторический факультет МГУ осенью 1957 г., которые дошли до черногорского ученого. В августе 1957 г. были арестованы члены «группы Л.Н. Краснопевцева», действовавшей среди учащихся, сотрудников и выпускников исторического факультета МГУ.

Научная командировка Б. Павичевича в Москву закончилась для него достаточно успешно. Б. Павичевич продолжил научную работу в Белграде, но вскоре перебрался в Черногорию «на руководящую должность». Он не забывал своей стажировки в СССР, регулярно упоминая в автобиографиях «стажировку на кафедре истории южных и западных славян в 1957–1958 гг.».

Ключевые слова

Советско-югославские отношения, международное научное сотрудничество, история славяноведения, интеллектуальная атмосфера и «оттепель», история Московского университета, история Санкт-Петербургского университета.

Aleksey Yu. TIMOFEEV

Zoran BAJIN

**HARD DAYS:
INTERNSHIP OF A YUGOSLAV SCIENTIST
AT THE DEPARTMENT OF HISTORY
OF SOUTHERN AND WESTERN SLAVS,
FACULTY OF HISTORY, MOSCOW STATE UNIVERSITY
IN 1957–1958**

Abstract

The article is devoted to the origins of the Soviet-Yugoslav academic cooperation in the first years after the normalization of relations between the two countries in the 50s of the 20th century. A review of earlier contacts and their pre-war roots was recorded in 1948 by SANU academician V. Novak.

The exchange of doctoral and postdoctoral students from the Faculty of History between the two countries began in 1957, after the resumption of diplomatic relations. In the documents of the Commission for International Relations of the Central Committee of the Union of Communists of Yugoslavia and the Union Committee of the Socialist Union of the Working People of Yugoslavia (KMV CK SKJ i SO SSRNJ) there is a letter from B. Pavičević, one of the first Yugoslav scientists who trained in the USSR after the «normalization» of relations. The letter, addressed to the chairman of this commission V. Vlahović, was written in 1958. The author of the document was interested in «informal moods» and attitudes towards the Yugoslavs in the Soviet scientific circles. This report sheds new light on the intellectual atmosphere and public sentiment that reigned among the Moscow State University historians during the early Thaw. The text mentions faculty members who

contributed to scientific exchange: V.G. Karasev (1922–1991), I.A. Fedosov (1921–2001), S.A. Nikitin (1901–1979).

B. Pavičević, who began the internship at the Department of History of the Southern and Western Slavs of the Faculty of History of the Moscow University in the fall of 1957, was recommended to visit Leningrad, and he continued his internship there. In the Leningrad University he was assigned to philologists, and not to historians. B. Pavičević noted that regarding Yugoslavia the atmosphere among historians in Moscow was more suspicious and wary than in Leningrad. But even in Moscow the new party accusations of Yugoslavia «of revisionism» did not inspire confidence among scientists and especially among young students. He also recorded rumours about the scandalous event around the so-called «L.N. Krasnopevtsev group» that shook the history department of the Moscow State University in the fall of 1957. That group had acted among students, staff and graduates of the Faculty of History of the Moscow State University and in august 1957 members of the group were arrested.

B. Pavičević's scientific trip to Moscow ended quite successfully for him. B. Pavičević continued his scientific work in Belgrade, but soon moved to Montenegro to a leadership position. He did not forget his internship in the USSR, regularly mentioning in his autobiographies his internship at the Department of History of the Southern and Western Slavs in 1957–1958.

Keywords

Soviet-Yugoslav relations, international scientific cooperation, history of Slavic studies, intellectual atmosphere and «Khrushchev Thaw», history of Moscow University, history of St. Petersburg University.

Связи русской и сербской (советской и югославской) исторической науки можно анализировать и изучать под различными углами. Если говорить о взаимоотношениях историков-славистов двух стран (личных или опосредованных), то сразу становится заметно, что тема эта изучена неравномерно. Взаимоотношения ученых двух народов в XIX в. имеют обширную историографию, созданы серьезные обобщающие труды⁸⁸⁷. Изучались также связи русских и сербских ученых в период деятельности русской эмиграции⁸⁸⁸.

⁸⁸⁷ *Лантвева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М.: Индрик, 2012.

⁸⁸⁸ *Путятин В.С.* Российские профессора югославских университетов 1920–1941: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; *Бондарева Е.А.* Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья: работы русских историков-эмигрантов белградского круга, 1920–1941 гг. М.: Вече, 2012; Сто двадцет пет година од рођења Александра Васильевича Соловјева / Уредници З. Мирковић, Н. Кршљанин. Београд: Правни факултет, 2016.

Однако история взаимоотношений отечественных и сербских (или даже шире — югославских) ученых в советский период по-прежнему недостаточно проанализирована. Большему вниманию подвергался поздний период 1980-х гг., что связано с мемуарной основой этих трудов. При этом более ранние периоды до сих пор освещены недостаточно. Формирование советско-югославской комиссии историков в 1970-е гг., эпопея, связанная с попыткой «получить добро» югославских историков на «советскую историю Югославии» в 1960-е, первый опыт «независимого» студенческого обмена 1950-х, применение советской матрицы в югославском преподавании истории во второй половине 1940-х гг., — все эти темы еще ожидают своего Нестора. При изучении этих сюжетов необходимо будет сочетать источники из государственных и партийных архивов двух стран (Государственного архива Сербии и Архива Югославии с одной стороны, и ГА РФ и РГАНИ с другой стороны), ограниченно доступные фонды дипломатических ведомств двух стран (Дипломатического архива Сербии и АВП РФ), малодоступные документальные фонды вузов, участвовавших в обмене, и почти недоступные архивы структур государственной безопасности, курировавших гуманитарные науки. Важнейшим и наиболее срочным для изучения ресурсом стоит назвать интервью с представителями старшего поколения, еще хранящими в памяти крупницы воспоминаний о событиях давно минувших десятилетий прошлого века.

В данной статье мы обратимся к одному из таких малоизвестных событий, последовавшему вскоре после возобновления политических взаимоотношений между двумя странами в 1955 г.⁸⁸⁹ В этот период были предприняты фактически первые попытки возрождения регулярных профессиональных контактов на индивидуальном уровне, что шло параллельно с разрешением возобновить личные контакты членам семей, разорванных в результате событий 1940-х гг. (родственникам перемещенных лиц и эмигрантов)⁸⁹⁰.

⁸⁸⁹ *Гифенко Ю. С.* Сталин — Тито. М.: Политиздат, 1991; *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М.: Институт славяноведения РАН, 2002.

⁸⁹⁰ *Тимофејев А.* Нестајање руске емиграције у Југославији: 1941–1954. Београд: Институт за новију историју Србије, 2022; Између две отаџбине: југословенски политички емигранти у Совјетском Савезу 1948–1956: документи Управе државне безбедности ФНР Југославије / Приредили Г. Милорадовић, А. Тимофејев. Београд: Архив Србије; Институт за савремену историју, 2016; Столетие двух эмиграций / Ред. А.Ю. Тимофеев. М.; Белград: Институт славяноведения РАН; Кафедра истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; Центр по изучению России и Восточной Европы Философского факультета Белградского университета, 2019.

Конечно, упомянутое возрождение научного сотрудничества опиралось на взаимоотношения между югославскими и советскими учеными во второй половине 1940-х гг., заложившие фундамент культурного влияния СССР в ФНРЮ в послевоенном десятилетии⁸⁹¹. Обзор этих ранних контактов и их довоенные корни зафиксировал в 1948 г. академик САНУ Виктор Новак (1889–1977), опубликовав обширную статью о взаимоотношениях историков из СССР и Югославии накануне и после Второй мировой войны. В этой ретроспективе впервые была упомянута первая встреча ученых двух государств под их новыми названиями. Академик В. Новак лично принимал в ней участие в августе 1933 г. в ходе VII Международного конгресса историков (МКИ) в Варшаве. На конгрессе присутствовали русские историки как из СССР, так и из русской эмиграции (в составе других делегаций)⁸⁹². Русских историков-эмигрантов Новак, писавший в 1948 г., упоминать не стал. Отметим, что это было особенно нарочито, если учесть что один из русских историков-эмигрантов, профессор М.И. Ростовцев, выступил на VII МКИ с настоящей сенсацией — докладом об открытии «крепости Европы» — Дура-Европос на Евфрате, что привлекло внимание всех участников конгресса⁸⁹³. Участие же советской делегации, более чем скромное (если не считать самого факта «демонстрации флага»)⁸⁹⁴, было обозначено Новаком как начало личного знакомства с академиком АН СССР Н.С. Державиным. О трудностях советских коллег, связанных с чисткой Академии наук в 1929–1930 гг., и о деле славистов 1933–1934 гг. Новак также по понятным причинам умолчал. По воспоминаниям Новака, советские и югославские историки в предвоенный период пытались добиться обмена журналами, чему больше всего препятствовала королевская цензура.

Согласно Новаку, академик Н.С. Державин прибыл в Белград в мае 1946 г. и прочитал в Коларчевском национальном университете две лекции: «Об Академии наук СССР в прошлом и настоящем» (13 мая) и «Деятельность советских научных работников в период Отечественной войны» (14 мая). В начале февраля 1946 г. Югославию посетила целая группа советских историков-археологов, которую Новак назвал «группой археологов и этнологов». Эта квалификация достаточно узка, так

⁸⁹¹ *Милорадовић Г.* Лепота под надзором: совјетски културни утицаји у Југославији 1945–1955. Београд: Институт за савремену историју, 2012.

⁸⁹² *Новак В.* Истакнути совјетски историчари и археолози у посети Југославији // Историски часопис. 1948. №1. С. 391–394.

⁸⁹³ *Rostovtzeff М.* Dura-Europos and its art. Oxford: Clarendon Press, 1938.

⁸⁹⁴ *Панкратова А.* Советская делегация и польская общественность // Историк-марксист. 1933. №5. С. 130–136.

как в группу входили как археологи, так и историки: П.Н. Третьяков (1909–1976), В.И. Равдоникас (1894–1976), А.В. Арциховский (1902–1978) и Б.А. Рыбаков (1908–2001). В основном в их выступлениях речь шла о происхождении славянских народов и раннесредневековой культуре восточных славян. Во время Всеславянского конгресса с 8 по 11 декабря 1946 г. Белград помимо Державина посетил и Б.Д. Греков (1882–1953). Новак назвал Грекова «директором Исторического института АН СССР», а также упомянул о наличии в составе советской делегации и некоего отдельного представителя «Института по изучению славянства при Академии наук СССР». На самом деле Греков и был директором недавно созданного Института славяноведения АН СССР (1947–1951), а также одним из трех основных докладчиков советской делегации. Он выступил на съезде с речью о культуре славян на протяжении всей мировой истории⁸⁹⁵. Новак упомянул и выступление Грекова в «Русском доме» (а не в «Доме советской культуры», как его тогда официально называли), посвященное «антинормализму».

Изложенные В. Новаком данные весьма иллюстративны и свидетельствуют о том, что вторая половина 1940-х гг. была лишь начальным этапом знакомства советской и югославской историографии. Во время первых контактов в 1946 г. научные интересы коллег и точные названия учреждений порою путались и плохо запоминались⁸⁹⁶. Во взаимоотношениях с белградскими историками в Москве с 1947 г. важную роль играл обновленный Институт славяноведения РАН, основанный в конце 1946 г. значительными усилиями Б.Д. Грекова и профессора В.И. Пичеты (1878–1947), сына Йована Пичеты, серба из Мостара. Интересно, что в своей статье Новак не упомянул В.И. Пичету⁸⁹⁷. Возможно, он и не ведал, какую важную роль сыграл Пичета в восстановлении

⁸⁹⁵ *Зайцев А.В.* Югославия на страницах журнала «Славяне» (1942–1958) // Славянский альманах. 2021. №1–2. С. 100–126; *Киришев Н.И.* Славянская идеология. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

⁸⁹⁶ См. подробнее: Архив Југославије (АЈ). Ф. 524 (Друштво за културну сарадњу Југославија – СССР). ф. 3, ј.о. 1945. Извештај акционог одбора Друштва за културну сарадњу Југославије са СССР-ом поднет Првом конгресу Друштва новембра 1946. године: структура организације, дотадашње активности и польа деловања.

⁸⁹⁷ *Карасев В.Г., Королук В.Д., Санчук Г.Э.* Академик В.И. Пичета (1878–1947) (К 100-летию со дня рождения) // Советское славяноведение. 1978. №5. С. 77–82; *Горяинов А.Н.* В.И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма // Славянский альманах. 2001. С. 286–303; *Он же.* Трагическая страница биографии В.И. Пичеты в свете одной стенограммы 1928 года // Славяноведение. 2002. №1. С. 62–72.

славистики в СССР: сектора славяноведения Института истории АН СССР и кафедры истории южных и западных славян на историческом факультете МГУ (1939), а после войны Института славяноведения РАН (1946/1947)⁸⁹⁸.

В данной работе мы обращаем внимание на один из первых академических обменов учащимися исторического факультета между двумя странами после возобновления дипломатических отношений. Данные об этом обмене зафиксировал документ, чудом сохранившийся в бумагах Комиссии по международным связям ЦК Союза коммунистов Югославии и Союзного комитета Социалистического союза трудового народа Югославии (КМВ ЦК СКЈ и СО ССРНЈ). При всей формальности этого фонда, изначально речь шла не об официальном отчете, а о письме Б. Павичевича, одного из первых югославских ученых, стажировавшихся в СССР после «нормализации» в 1955 г. отношений между СССР и Югославией, написанном в весьма неформальной форме председателю этой комиссии В. Влаховичу.

Велько Влахович (1914–1975), видный функционер СКЮ, ветеран Гражданской войны в Испании, потерявший ногу при Альбасете, в годы войны был представителем КПЮ в Коминтерне, после войны вернулся из СССР в Югославию и занимал ряд ответственных должностей в руководстве титовской Югославии. Он имел богатый опыт общения с советской действительностью как в сороковые, так и в пятидесятые годы. В момент получения вышеупомянутого письма ему было 43 года⁸⁹⁹. Не был случайным человеком и автор этого письма. Бранко Павичевич (1922–2012) – земляк В. Влаховича, хотя и родился далеко (по черногорским меркам) от его места рождения: не в Колашине, а в Никшиче, в семье офицера королевской армии. Вместе со своим отцом, братом Воиславом (1914–1941) и сестрами Анджей и Михалкой он присоединился к партизанам в 1941 г. Воевал в составе Пятой черногорской пролетарской ударной бригады, а в конце войны стал политруком батальона. После войны Б. Павичевич поступил в Белграде на юридический факультет, который окончил в 1949 г., а затем работал научным сотрудником в Институте

⁸⁹⁸ *Никифоров К.В.* Центру российской славистики – 70 лет // Славянский альманах. 2017. №1–2. С. 13–26; *Бабенко О.В.* Славяноведение в МГУ в 1939–2019 гг. К 80-летию кафедры истории южных и западных славян // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Информационно-аналитический журнал. 2020. №3. С. 15–25.

⁸⁹⁹ *Vlahović V.* Strogo pov. 1955–1958: neobjavljeni rukopis. Beograd: Stručna knjiga, 1998.

социальных наук и в Историческом институте САНУ⁹⁰⁰. Защитил диссертацию в 1954 г. на юридическом факультете Белградского университета, и к моменту поездки в Москву ему было 35 лет. Его отец Георгий «Джоко» (1872–1970) был участником неудачного заговора против короля Николы, героем Балканских войн и Первой мировой, а в 1953 г. получил звание Народного героя Югославии, став старейшим партизаном, получившим это звание, и дожил до 98 лет.

В силу родоплеменных особенностей традиционного общества раннего постреволюционного периода письмо молодого, но уважаемого черногорца из уважаемой семьи к другому еще более уважаемому и высокопоставленному черногорцу отличалось вычурной степенностью и претензией на откровенность. Оно начиналось с личного обращения «дорогой товарищ Велько» и далее продолжено в неформальном тоне не спешившего с отчетом о проделанной работе уважаемого ученого мужа: «меня попросили изложить впечатления о работе» в МГУ, но мешали болезни и сдача экзаменов, и вообще отчет дело сложное, и на одиннадцати страницах изложена только записка, а полный отчет автор хотел бы написать на пятидесяти листах, хотя это дело еще более сложное и потому не быстрое⁹⁰¹.

Автор записки должен был описать свою научную стажировку на кафедре истории западных и южных славян исторического факультета МГУ в 1957–1958 гг., но, по видимому, в большей степени его корреспондента интересовали «неформальные настроения» и отношения к югославам в советских научных кругах, а не научные темы. Ярким доказательством этого является то, что Павичевич не указал ни темы, которой занимался, ни архивных фондов или хотя бы названий архивов и библиотек, в которых работал. Описал он все это весьма скупо и не конкретно, с большой долей туманной неопределенности: «работал, в основном, в некоторых советских архивах, разыскивая материалы по истории некоторых наших земель (Черногории, Боснии и Герцеговины, Сербии) и материалы по истории Албании».

В то же время Павичевич прежде всего четко определил свой статус, в котором в 1957/58 учебном году 11 месяцев пробыл стипендиатом Правительства ФНРЮ на специализации в МГУ. При этом он не забыл напомнить, что хотя и был на стипендии аспиранта (переведенного им как «постдипломац») благодаря тому, что был уже «доктором наук»,

⁹⁰⁰ Бранко Павичевић: 1922–2012 / Уредио Д. Радоњић. Подгорица: Црногорска академија наука и умјетности, 2018.

⁹⁰¹ Ај. Ф. 507 (СКЈ, Комисија за међународне односе и везе). IX, 119/V–142. (к. 35) Извештај Б. Павичевића В. Влаховићу, председнику Комисије за међународне везе ЦК СКЈ и ССРНЈ, 1958.

ему дали при расселении и оформлении статус доцента. Разумеется, он не был доктором наук в советском понимании этого слова (скорее было бы правильно перевести его статус как кандидат наук), и это свидетельствует о традиционной «находчивости» (чем это, собственно говоря, хуже утверждения «мы-все-дворяне» у сербов из Далмации, Черногории и Военной границы — выходцев из крестьянских семей на службе в России в XVIII в.). Намного интереснее отметить данное замечание не в контексте характеристики личности автора, который о своем статусе писал детальнее, чем о теме своей научной работы. Важно то, что Павичевич упомянул и других «наших специалистов без доктората, которых воспринимают как аспирантов», что значительно усложняет их работу, независимо от кафедры. Можно предположить, что к 1957 г. в МГУ уже были и другие югославские аспиранты. Данных об этих обменах в сербских архивах авторы статьи пока еще не обнаружили.

Времена, в которые Павичевич работал в СССР, сложно назвать простыми для ученого-исследователя. Архивы все еще (с 1938 г. и вплоть до 1960 г.) находились под прямым управлением МВД СССР, в которое входило Главное архивное управление МВД СССР. Даже архивные материалы древнейших периодов были в течение нескольких десятилетий полностью закрыты для иностранных исследователей или исследователей «без направления». Исследователи должны были изучать лишь те документы, которые были связаны с темой одобренного заявления на допуск. В архивах проверяли тетради исследователей, вырезали из них «дискредитирующую» информацию. В период, который мы здесь анализируем, от полностью рестриктивного подхода стали постепенно отходить лишь в ЦГАДА (ныне — РГАДА), хранящем наиболее старые документы (до XVIII в.). Впрочем, и в ЦГАДА первый печатный путеводитель появился всего за десять лет до приезда Павичевича⁹⁰².

Павичевич отмечал, что не только условных «иностранных историков» (из соцстран Восточной Европы) но и советских историков в архивы пускали, по его наблюдениям, с трудом и лишь после предварительного согласования в Главном архивном управлении МВД. В бесконечной переписке с «различными компетентными и менее компетентными учреждениями» настоящую помощь Павичевичу оказали «преподаватели исторического факультета МГУ», которые, «почувствовав неблагосклонность ответственных лиц» к его просьбе, использовали все свои связи и знакомства и «решительно повлияли на положительное решение просьбы о допуске». Это произошло спустя месяц скитания по Москве несчастного докторанта, который тщетно обивал пороги раз-

⁹⁰² Центральный государственный архив древних актов: путеводитель. Ч. 1–2. М., 1946–1947.

личных присутственных мест. Отметим, что до этого у Павичевича уже был опыт международной специализации и работы в иностранных архивах: в 1955 г. он проходил специализацию в Римском университете и работал в архивах Рима, Ватикана, Венеции и Вены.

Кто же эти преподаватели МГУ, которых с такой благодарностью упомянул Павичевич? Первым был Виктор Георгиевич Карасев (1922–1991), которому в то время, как и Павичевичу, было 35 лет. Карасев был тогда доцентом кафедры истории западных и южных славян исторического факультета МГУ, а впоследствии стал профессором и заведующим кафедрой ИЮЗС в 1973–1991 гг. Вторым по значимости в письме Павичевича упомянут Иван Антонович Федосов (1921–2001), и.о. декана и декан исторического факультета Московского университета в 1956–1971 гг., бывший долгое время заведующим кафедрой истории СССР XIX века (1959–1994 гг.). Во время поездки Павичевича Федосову было 36 лет. Третьим был назван Сергей Александрович Никитин (1901–1979), историк, профессор МГУ (с 1942 г.), заведующий кафедрой истории южных и западных славян (1947–1961 гг.), в 1947–1979 гг. работавший также в Институте славяноведения АН СССР Никитин упомянут как старый и заслуженный ученый, — отметим, что во время поездки Павичевича ему было 56 лет.

Карасев и Федосов служили в Красной Армии в годы Великой Отечественной войны, были демобилизованы по инвалидности во время войны. Федосов участвовал в боевых действиях и потерял руку, в отличие от Карасева, которого судьба хранила от тяжелых ранений, да и от фронта. Вероятно, они оба с симпатией должны были оценить своего ровесника, также имевшего боевой опыт борьбы с немецкими оккупантами в 1941–1945 гг.⁹⁰³ Впрочем, в самом повествовании Павичевича об этих фактах из биографии «принимавшей стороны», как и вообще о функциях «контактов» ничего не сказано. Судя по всему, это было не случайно, так как развитие темы о «сближении» с «Советами» могло негативно повлиять на будущую карьеру перспективного ученого.

Усилия советских коллег не остались безрезультатными. На личном уровне речь шла о долгосрочном научном труде самого Павичевича, который еще многие годы не терял интереса к теме русской политики

⁹⁰³ В этой гипотезе (выраженной в слове «вероятно»), мы опираемся на исследование поведения военнослужащих Третьего Украинского фронта, где факт реального участия в боевых действиях против Германии и ее европейских союзников был ключевым в оценке отдельных людей и целых народов, с которыми рядовые бойцы и офицеры Красной Армии сталкивались в ходе заручежных операций 1944–1945 гг. *Тимофејев А.* Црвени и бели: руски утицај на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд: Укронија, 2014.4

в Черногории и Сербии⁹⁰⁴. На уровне международных научных связей речь шла о создании положительного прецедента для тех югославских историков, которые после Павичевича могли вести архивные исследования в СССР. В переписке международной комиссии отмечено предложение Павичевича о том, что необходимо позаботиться, чтобы советским историкам были в дальнейшем предоставлены наилучшие условия работы. В личной заметке Влаховичу черногорский ученый просто объяснил необходимость такой взаимности: «...то, что мы получаем в советских архивах, намного превосходит ценность наших архивных материалов по значимости».

В то же время основная цель записки Павичевича (и основная ее ценность для нас как исторического источника) не только в сухой констатации факта научного обмена. Он детально описывал настроения в кругах молодых ученых и аспирантов, окружавших его. В принципе, основное направление письма соответствовало базовым установкам тогдашней политики Югославии при неофициальных контактах с советскими гражданами. Во-первых, найти максимум недовольных предыдущим периодом, обнаружить тех, кто отрицательно высказывается о слабости «десталинизации», по возможности выявить максимум проблем в строительстве социализма и национальных отношениях. Во-вторых, усилить любовь и уважение к Югославии и лично к товарищу Тито как путеводной звезде в решении всех национальных, экономических, международных и идеологических проблем на региональном уровне и в мировом масштабе⁹⁰⁵. Все это было отголоском пропагандистских установок периода советско-югославского конфликта, на неформаль-

⁹⁰⁴ Кроме других тем тема России никогда не уходила из работ Павичевича: *Павичевич Б.* Црна Гора крајем 1862 године // Историски часопис: орган Историског института САН. 1959. №9–10. С. 431–438; *Он же.* Његошева мисија у Русији 1837. године // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 1960. №26/1–2. С. 47–70; *Он же.* Меморандум Јегора Петровића Ковалевог о Црној Гори 1838. године // Историски записи: орган Историског Друштва Народне Републике Црне Горе. 1967. №24/2. С. 213–228; Писмо Вука Караџића кнезу Милошу: Вукова руска верзија / Редакција и предговор Б. Павичевић. Београд: Државни архив СР Србије, 1964; *Павичевич Б.* Његош и Јаков Николајевић Озерецковски: промјена руске политике према Црној Гори 1837. // Историски записи: орган Историског Друштва Народне Републике Црне Горе. 1967. №24/1. С. 5–44; *Он же.* Политика цара Павла I према Црној Гори // Гласник цетињских музеја. 1970. №3. С. 5–81.

⁹⁰⁵ Срби о Русији и Русима: од Елизавете Петровне до Владимира Пугина (1750–2010): антологија / Приредио М. Јовановић. Београд: Православни богословски факултет; Институт за теолошка истраживања; Институт за новију историју Србије, 2011. С. 536–670.

ном уровне сохранявшихся и далее. Впрочем, и тут сладострастный поиск пятен на солнце надо было вести осторожно, с пониманием необходимости «*mírného pokroku v mezích zákona*» (чеш. «умеренный прогресс в рамках закона»), иначе вместо ускорения карьеры⁹⁰⁶, при всей благонамеренности, можно было получить ее внезапное замедление⁹⁰⁷.

В письме Влаховичу Павичевич выражал полное понимание всей тонкости этой грани, подходя к ней достаточно близко, но не перегибая палку. Так, он привел собственную оценку ценности работ советских историков не в зависимости от узких областей специализации, а от того, партийные они или беспартийные, и если партийные, то работают ли в аппарате ЦК КПСС и непосредственно ему подчиненных учреждениях, или те, кто не занимается никакой работой партийно-политического характера. Что касается историков, которые занимаются изучением более отдаленных периодов истории, как партийных, так и беспартийных, то среди них он признавал возможность существования «самых настоящих ученых, которых, даже когда дело касается политики, учат делать выводы только на основании фактов», что делает их одними из самых свободомыслящих людей в СССР.

В то же время, черногорский ученый, несмотря на весь свой опыт и кругозор, приехал из страны, где не было не только отдельного исторического факультета, но даже и отдельных кафедр в рамках исторического образования. Поэтому он был потрясен, узнав, что в СССР есть несколько тысяч историков-исследователей. Только в Москве, по его словам, в университете и в различных институтах их число превышало невероятную для него тысячу человек. После этой констатации он не мог (будучи не только сотрудником титовского идеологического аппарата, но, глубоко в душе, и сербом из Черногории) не отступить от матрицы «критики». Он с восторгом подчеркнул, что «СССР, как великая держава, придерживается практики, что для каждой страны мира, в том числе и для тех, которые с точки зрения современной политической стратегии, почти не представляют никакого значения, необходимо иметь собственных специалистов, среди которых историки иногда играют очень важную роль». В силу этого, по словам Б. Павичевича, «компетентные органы уделяют очень серьезное внимание» научным школам, которые занимаются изучением не только югославского настоящего, но и прошлого. Чрезмерно восприняв эту всеохватность «великой державы», он в своем письме сообщил фантастические сведения о существовании в Московском и Ленинградском университе-

⁹⁰⁶ *Mićunović V.* Moskovske godine 1956–1958. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1977.

⁹⁰⁷ *Mihajlov M.* Moscow summer. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1965.

тах специальных кафедр «югославских языков и литературы» и «кафедр истории Югославии», а в Институте славяноведения Академии наук СССР — «специального отдела по истории Югославии». При этом он не забыл уточнить, что эта мощь советского славяноведения опирается на «значительные достижения русской исторической науки прошлого и начала этого века», т.е. периода императорской России.

Особенно его удивляло то, что изучая прошлое югославских народов, многие советские историки, при этом не только беспартийные, но и «в том числе ряд представителей партийно-политических фразеров, стоящих в научном отношении на грубом элементарном уровне», воспитали в себе любовь и уважение к народам Югославии и их политической и культурной истории. Эти впечатления он получил, встречаясь с преподавателями истории и сербско-хорватского языка и литературы в Москве и Ленинграде, которые открыто говорили Павичевичу, что стараются воспитать такую же любовь в своих учениках. С интересом он подметил, что, несмотря на то, что студенты в эти группы отбирались по особым критериям, в которые вмешивались структуры партии и государственной безопасности, молодежь также с симпатиями смотрела на югославские народы. При этом Павичевич делал достаточно спорный вывод о том, что этот эффект «эмоционального сближения» с изучаемой страной противоположен тому, чего хочет добиться политическое руководство и научная администрация. В этом пассаже как нигде ярко проявилось балканское простодушие, смешивающее личные воззрения и профессиональные навыки ученых, специализирующихся на конкретной теме.

Не менее четко проявилось и восприятие советской пропаганды через призму титоистской пропаганды периода конфликта Сталин – Тито. Павичевич прекрасно помнил, как обильно замешивала титовская пропаганда антисталинскую риторику на отборной русофобии⁹⁰⁸. В то же время он мог и не знать, что даже в самой жесткой советской анти-титовской пропагандистской матрице совершенно не было антисербских пассажей⁹⁰⁹.

Начавший осенью 1957 г. стажировку при кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ Б. Павичевич получил совет посетить Ленинград (также полезный для науки) и продолжил стажировку там. При этом его прикрепили к филологам, а не к историкам. Всех причин этого переезда (несомненно, научно оправдан-

⁹⁰⁸ Црвена армија и руска емиграција у Југославији за време Другог светског рата у огледалу анти иб-овске пропаганде / Приредио Алексеј Тимофејев. Београд: Укронија, 2018.

⁹⁰⁹ *Мальцев О.М.* Югославская трагедия. М.: Советский писатель, 1952.

ного и методологически полезного) он не объяснил, хотя можно предполагать, что речь шла и о неких обстоятельствах, которые мы рассмотрим ниже.

Приехав в старую имперскую столицу, Павичевич обнаружил даже больше симпатий к «отдельным народам Югославии» в Ленинградском университете. Он с радостью узнал от студентов, что у них вызывают симпатии «народный эпос», «гайдуки и ускоки», «борьба против турок в XIX веке», «национальная поэзия XIX века», «Молодая Босния», «Принцип», «Первая мировая война», «НОБ» и, наконец, «сопротивление Сталину». В целом, этот ряд настолько, видимо, совпадал с «сербским» (а не словенским или, например, хорватским) набором ценностей, что в конце, конечно, было нельзя не добавить политически зрелое «сопротивление Сталину».

Про личные отношения с советскими учеными Павичевич писал крайне скупо. Он подробно описал свою поездку на дачу к преподавателю филологического факультета ЛГУ Вячеславу Кондратьевичу Зайцеву (1917–1992). Зайцев был молодым, активным преподавателем кафедры классической филологии и специализировался на хорватской литературе. В это время он уже обдумывал и писал свой труд, в дальнейшем распространившийся в самиздатовской версии начала 1960-х гг. под названием «Космические реминисценции в памятниках древней письменности». Дальнейшая судьба Зайцева сложилась крайне не просто. Из-за романа со студенткой в 1964 г. ему пришлось оставить должность преподавателя и переехать в Минск, где он работал научным сотрудником в Институте литературы АН БССР. В то же время в 1967 г. в литературном журнале *Байкал* (№5, 6, 7) В.К. Зайцев опубликовал обширную статью «Боги приходят из космоса», где доказывал, что Иисус был инопланетянином и предполагал, что Вифлеемская звезда была космическим кораблем, развивая тезисы своего самиздатовского труда. В свете этой и других идей защита докторской диссертации Зайцева прошла неудачно. В 1974 г. в знак протеста он вышел из КПСС и был уволен из минского Института литературы. Зайцев также публично проповедовал быстрый конец света, критикуя КПСС и РПЦ за то, что они ничего не делают, чтобы предотвратить это явление и глобальную катастрофу. «Его предчувствие о приближающемся Конце Света было настолько искренним и острым, что слушателей во время его лекций начинало буквально трясти...» В ноябре 1978 г. он был арестован сотрудниками КГБ и отправлен на психиатрическую экспертизу. В марте 1979 г. Зайцеву по решению специалистов Института судебной психиатрии им. Сербского в Москве был поставлен диагноз «шизофрения». В июне того же года его перевели в Казанскую специализированную

психиатрическую больницу на принудительное психиатрическое лечение, где лечился до января 1982 г.⁹¹⁰

Черногорский ученый приехал к ленинградскому Дэникену⁹¹¹ на дачу в Зеленогорске. Вместе с ним на даче собралось и несколько преподавателей университета, которые приехали по-свойски, без приглашения, с явным желанием обменяться мнениями с заезжим югославом. Разговор начался на научные темы, но очень быстро перешел на политику, на отношения между ФНРЮ и СССР. Павичевич с удовольствием подметил, что никто из присутствовавших не согласился с политикой давления СССР на ФНРЮ после венгерских событий 1956 г., а также все «решительно осудили невыполнение экономических обязательств СССР перед Югославией». Присутствующим, по словам Павичевича, «импонировала смелость югославского политического руководства», они не придавали большого значения «антиревизионистским» обвинениям ЦК КПСС и не верили в югославский «ревизионизм», хотя и были крайне не осведомлены о том, что происходит в Югославии.

Вообще собеседников Павичевича (и не только в этой беседе) больше всего интересовало, сохранилась ли после всех конфликтов, произошедших в последнее десятилетие между ФНРЮ и СССР, традиционная любовь к русскому народу. Более того, во время посиделок на даче в Зеленогорске присутствующие активно перечисляли многочисленные исторические факты из прошлого России и СССР, говорящие о большой любви к югославам в СССР, «особенно со стороны русских людей». Когда присутствующие перешли к деликатному вопросу культа личности лидера партии (в СССР к тому времени культ личности уже был осужден, но был в полном расцвете в ФНРЮ), на помощь к иностранному гостю пришел сам хозяин дачи. Зайцев (который уже успел дважды побывать в ФНРЮ и считал себя экспертом по этой стране) попытался объяснить данное противоречие. Он заявил, что в СССР «культ Сталина создавался по директивам сверху, через кровь лучших партийных кадров, через концлагеря и убийства», а в Югославии «ничего этого не было, и поэтому нет и культа личности», а есть лишь популярная в народе «легенда о Тито», которую югославские центральные партийно-политические органы не подавляют, но нельзя утверждать, что они ее

⁹¹⁰ Панченко А.А. «Эра Водолея» для строителей коммунизма: культура нью-эйджа в позднесоветском обществе и проблема «переломных эпох» // Новое литературное обозрение. 2018. №1 (149). С. 300–317.

⁹¹¹ Фон Дэникен Эрих (р. 1935) – швейцарский писатель, один из идеологов псевдонаучной теории палеоконтакта. Автор ряда книг, в которых говорится об инопланетном влиянии на раннюю историю цивилизаций. (*Прим. редколлегии*).

как-то разжигают. После такого лестного, хотя и малоправдоподобного объяснения⁹¹² черногорский ученый поспешил сменить тему разговора, «не желая говорить об этом дальше и не портить впечатления, которое его слова произвели на присутствующих».

Присутствующие же открыто критиковали не только уже развенчанного И.В. Сталина, но и сохраненного в пантеоне советской идеологии А.А. Жданова, имя которого в 1948–1989 г. носил ЛГУ, где они работали и учились. По словам Павичевича, ругали этих двух политиков как «палачей ленинградцев, героически защищавших город Революции в годы Отечественной войны». Это последнее замечание не вполне понятно, так как известное «ленинградское дело» было направлено как раз против кадров Жданова, умершего до чистки Ленинграда в 1948 г.⁹¹³ В обстановке тогдашней закрытости Югославии и СССР разобраться в нюансах недавних политических процессов было нелегко не только Зайцеву, но и Павичевичу.

Во время отъезда из Ленинграда группа преподавателей университета подготовила для Павичевича торжественные проводы. Это прощание, «по русскому обычаю, невозможно было себе представить без водки», причем, как вспоминал черногорский ученый, в результате было сказано много такого, что в трезвом виде вряд ли было бы произнесено. Прощаясь, присутствующие громко и без колебаний заявляли, что не верят в то, что пишут в советских газетах про Югославию. При этом речь шла уже об официальном месте, и это даже испугало самого Павичевича, который обратился к самому старшему из присутствующих, А.С. Корнееву, с просьбой не говорить так громко, так как это может быть опасно. Алексей Сергеевич Корнеев (1919–1981) проработал первый год Ленинградской блокады санитаром, вплоть до эвакуации в 1942 г. Во время стажировки Павичевича Корнеев был доцентом кафедры новой и новейшей истории, а также преподавал в Ленинградском отделении Высшей партийной школы при ЦК КПСС и точно знал, кому и что можно говорить, что показывает его дальнейшая успешная карьера. В дальнейшем он с повышением перебрался в Новгород, где стал заведующим кафедрой, а потом и деканом исторического факультета Новгородского государственного педагогического института. Корнеев заверил югославского коллегу, что «в свободном Ленинграде люди всегда говорят и думают свободно».

⁹¹² *Тимофејев А.* Статистичка анализа кажњених «коминформоваца»: национална припадност, дужина казне, узраст, полна структура, сродници, повратници // Историјски записи: орган Историјског института и Друштва историчара Црне Горе. 2022. №3–4. С. 85–102.

⁹¹³ *Болдовский К.А.* Падение «блокадных секретарей»: партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб.: Нестор-История, 2018.

Около двадцати преподавателей и аспирантов отправились после этого события к Московскому вокзалу и провожали до перрона черногорского историка. Они вместе распевали югославские партизанские песни и громко кричали «Да здравствует Черногория!». Присутствовавший при проводах Зайцев поспешил объяснить уезжавшему гостю, что возгласы в честь Черногории стоит понимать расширительно, ко всей Югославии, громкие здравницы в честь которой «пока поднимать не стоит».

Павичевич отмечал, что в Москве атмосфера среди историков была более сдержанной и настороженной по отношению к Югославии, хотя и там новые партийные обвинения ФНРЮ «в ревизионизме» не вызывали доверия среди ученых и особенно молодежи. По мнению самого Павичевича, недоверие к написанному о Югославии было отчасти связано с тем, что кампания против ФНРЮ 1948–1953 гг. бесславно закончилась в 1955 г., что было свежо в памяти советских людей. Также он подмечал, что и актуальные советские лидеры в интеллектуальной среде были «очень непопулярны». В многочисленных беседах с советскими учеными, аспирантами и студентами старших курсов югославский историк подмечал, что большинство из собеседников считают, что некоторые руководители СССР недостаточно образованы и не одарены способностями для столь высоких должностей. Особенно ярко было выражено раздражение «крестьянскими манерами» самого Н.С. Хрущева, опасения вызывали его резкие и недипломатичные шаги во внешней политике (особенно в вопросе ядерного шантажа).

Павичевич также подробно остановился на оценке влияния советской пропаганды на студентов исторического факультета МГУ. Он отмечал, что среди молодых людей, собранных из разных уголков СССР, в сознании которых поступление в МГУ представляет собой реализацию великой жизненной мечты, есть определенное количество тех, кто по тем или иным причинам верит всему, что им говорят на партийных конференциях. Но в основном, по его словам, «советских пропагандистов» беспокоит то, что партийные собрания, на которых произносились идеологические доклады, обычно оставались без одобрительных обсуждений, завершаясь болезненным и почти демонстративным молчанием. Все, кроме партийных активистов, воздерживались от любых форм «одобрения» или публичной поддержки пропаганды, что сильно удивило черногорского ученого. Но самое главное в этом отношении — это те слухи о скандальном событии, потрясшем исторический факультет МГУ осенью 1957 г., которые дошли до черногорского ученого.

В августе 1957 г. были арестованы члены «группы Краснопевцева», действовавшей среди учащихся, сотрудников и выпускников исторического факультета МГУ. Руководителем группы был аспирант кафедры

истории КПСС МГУ Л.Н. Краснопевцев. Двое членов группы на момент ареста были кандидатами наук и преподавали на историческом факультете, Н.Г. Обушков и Н.Н. Покровский, остальные были студентами и дипломированными историками, работавшими в школах. Начало деятельности группы положил XX съезд. Первоначальные симпатии к Хрущеву сменились у членов этой неформальной группы критикой половинчатости и незаконченности развенчания культа личности. Молодые историки, собравшиеся в эту группу, верили, «что социализм можно и нужно реформировать, что возможности для этого есть». Особое возмущение вызвали венгерские события и участие советских войск в подавлении «контрреволюционного мятежа». Краснопевцев позднее утверждал: «Мы поняли, что там по нам стреляют, что нас давят танки, что там гибнут наши единомышленники, наши товарищи и наше будущее».

Окончательный поворот в понимании группой текущей политики произошел в конце 1956 г., когда в их парторганизацию для обсуждения было представлено закрытое письмо письма ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Горячие головы решили организовать подпольную организацию, к формированию которой приступили в марте–апреле 1957 г. В группе на тот момент было семь человек. В июне 1957 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором члены «антипартийной группы» В.М. Молотова, Г.М. Маленкова и Л.М. Кагановича были отстранены от должностей. Краснопевцев и Обушков решили использовать эти события как повод для выступления. Свои требования они оформили в виде листовки с призывом к восстанию. В ночь на 5 июля двое участников группы напечатали 120 листовок. На следующий день их распространили по почтовым ящикам в Краснопресненском и Пролетарском районах, а затем напечатали еще 180 листовок, которые 9 июля разнесли по почтовым ящикам в Пролетарском районе.

В то же время член группы студент В. Козовой встретился с английским журналистом Джулианом Уоттсом, чтобы рассказать ему о противостоянии советской молодежи с тоталитарным режимом. Уоттс, конечно, находился «под присмотром» КГБ, и 12 августа 1957 г. Козовой был арестован. 30 августа были арестованы Краснопевцев, Л. Рендель и В. Меньшиков, а затем и другие. Уже в сентябре 1957 г. выявились польские связи группы. Рукопись Краснопевцева была изъята у польского главного редактора Э. Лясоты в журнале *Po prostu* (польск. «Запросто»). Лясоту исключили из партии и уволили, а журнал закрыли. Суд над членами группы состоялся в феврале 1958 г. Л. Краснопевцев, Л. Рендель, В. Меньшиков были приговорены к 10 годам лишения сво-

боды; В. Козовой, М. Пешков, М. Семененко — к 8 годам; Н. Обушенков, Н. Покровский, М. Гольдман — к 6 годам заключения⁹¹⁴. Действия молодежи властями были подавлены крайне жестко, хотя и обошлось без жертв, как в выступлениях в Бийске, Муроме, Александрове, Новочеркасске в 1961–1962 гг.⁹¹⁵ Более того, освобожденной молодежи удалось вернуться в профессию, хотя в связи с процессом оказались сломаны судьбы десятков людей и их родственников. Ассистент кафедры источниковедения к.и.н. Н.Н. Покровский, отсидевший все шесть лет в мордовских лагерях, после снятия мстительного Н.С. Хрущева смог даже стать в 1964–1965 гг. заведующим Отделом и заместителем директора Владимиро-Суздальского музея-заповедника. В дальнейшем он защитил докторскую диссертацию, стал профессором и академиком АН СССР⁹¹⁶.

Впрочем, в слухах, которые дошли в начале 1958 г. до черногорского ученого, все выглядело намного драматичнее. Он мог и проецировать на СССР жестокость титовского Голого острова (известную всем черногорцам вне зависимости от их взглядов), куда продолжали по приговору суда или без суда (административным решением) посылать новых сидельцев, например, в 1958 г. туда прибыли 210 человек. По открытым для исследователей на сегодняшний момент документам, последние «политические», по административному решению, за «ИБ-пропаганду» (т.е. за неосторожные просоветские высказывания в разговорах) попали в лагерь на Голлом острове в 1961 г.⁹¹⁷

Павичевич вряд ли считал, что режим Хрущева был более гуманен, и поэтому описал происходившее с явными преувеличениями. По словам черногорского историка, «в одночасье», «коротким решением» (имелось в виду административное решение, аналог сталинских троек) «16 преподавателей и аспирантов исторического факультета были арестованы за ревизионизм и антисоветскую пропаганду и приговорены к срокам от 10 до 20 лет». Впрочем, как бы то ни было, «восстание в идеологической кузнице» было случаем действительно экстраординарным.

⁹¹⁴ «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. №4. С. 106–135; *Сергеев В.Н.* «Университетское дело»: формирование оппозиционных взглядов группы Л. Краснопевцева – Л. Ренделя // URL: <http://www.mkonf.irigan.ru/papers.php?id=69/> (Дата обращения: 20.02.2013).

⁹¹⁵ *Козлов В.А.* Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев: 1953–1982 годы // Отечественная история. 2003. №4. С. 93–111.

⁹¹⁶ Николай Николаевич Покровский / Сост. З.В. Бородина, О.Д. Журавель, И.А. Шипилов; авт. вступ. ст. Н.Д. Зольникова. М.: Наука, 2010.

⁹¹⁷ Заточеници Голог Отока: регистар лица осуђиваних због Информбироа: документ Управе државне безбедности ФНР Југославије / Приредили Д. Михаиловић, М. Јовановић, Г. Милорадовић, А. Тимофејев. Београд: Архив Србије; Институт за савремену историју, 2016.

Совершенно понятно, почему преподаватели МГУ показались Павичевичу более скрытными, чем ленинградцы, и не хотели беззаботно болтать с заезжим иностранцем из «ревизионистской» Югославии. Не внесли ли эти события вклад в то, что Павичевич часть своей стажировки провел в Ленинграде?

Тем не менее, от пронизательного взгляда черногорского ученого не укрылось своеобразное «фрондерское» настроение в рядах гуманитарной интеллигенции Москвы и Ленинграда. Он обращал внимание на их недовольство материальным положением (хотя уровень жизни ученых и аспирантов в Югославии в то время не сильно отличался от ситуации в СССР, о чем не преминул бы сообщить Павичевич, лишь мимоходом указавший, что доходы аспиранта в Москве и Белграде совпадали). Павичевич обратил внимание на то, что лишь «высшая техническая интеллигенция подкуплена высокими премиями и наградами». Он отметил и стремление не верившей советским газетам гуманитарной интеллигенции к чтению любой иностранной печати, в том числе югославской газеты *Борба* (серб.-хорв. «Борьба»), которую сметали с прилавка университетского газетного киоска. Существовал и интерес к передачам Радио Белграда, которое слушали не только ради музыки, но и в те моменты, когда человеку из советских газет и радио трудно было разобраться в реальном состоянии европейской и мировой политики в дни американской и британской интервенции в Ливане и Иордании. Среди людей, с которыми столкнулся в СССР Павичевич, был распространен страх новой мировой войны, и они хотели получить наиболее объективную информацию в ситуации, когда речь идет о том, будет ли война или нет.

Научная командировка Бранко Павичевича в Москву закончилась для него достаточно успешно. Отчет, видимо, тоже понравился, так как отличался достаточной патриотичностью, отстраненностью по отношению к гражданам СССР (ни одного упоминания об установлении личных контактов), умолчанием ненужных тем (совершенно не упомянут информбюровский эмигрант И. Очак, который работал на кафедре истории славян и просто не мог не попасться на глаза черногорскому ученому⁹¹⁸). Павичевич продолжил научную работу в Белграде, но вско-

⁹¹⁸ *Путьтин В. С.* Иван Драгович Очак: судьба на фоне эпохи // *Историки-слависты МГУ: Кн. 15: Ключевые проблемы истории южных и западных славян в новое и новейшее время (к 100-летию профессора В.Г. Карасева)*. Научный сборник / Отв. ред. Г.Ф. Матвеев. М.: Издатель Степаненко, 2023. С. 49–61; *Он же.* Иван Драгович Очак (02.02.1920–24.03.1994) // *Историки-слависты МГУ: Кн. 13: Славянских древностей обитель. Кафедра истории южных и западных славян – 80 лет*. Научный сборник / Отв. ред. Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева, Ю.А. Борисёнок. М.: Издатель Степаненко, 2020. С. 222–227.

ре перебрался в Черногорию «на руководящую должность». Он стал профессором юридического факультета в Титограде, а после образования Черногорской академии наук и искусств стал ее первым председателем, занимая эту должность в 1973–1981 гг. За всю свою научную карьеру он опубликовал шесть книг, посвященных прошлому Черногории в период с XVI по XX вв. Написал ряд статей, в том числе о внешней политике России в XIX и XX вв., участвовал в издании ряда сборников документов, посвященных сербской истории того периода. При этом он не забывал свою стажировку в СССР, регулярно упоминая в автобиографиях «стажировку на кафедре истории южных и западных славян в 1957/1958 г.». Его отчет В. Влаховичу проливает новый свет на интеллектуальную атмосферу и общественные настроения, царившие среди историков и филологов двух столичных городов в период ранней «оттепели».

Список сокращений

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации;
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации;
Кафедра ИЮЗС – Кафедра истории южных и западных славян;
РГАДА – Российский государственный архив древних актов;
РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории;
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов.